

Д. О. Добровольский. Беседы о немецком слове. Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с. [D. O. Dobrovolskij. *Besedy o nemetskom slove* [Conversations on the German word]. Studien zur deutschen Lexik. Moscow: Ya-zyki Slavyanskoj Kul'tury, 2013. 752 p.] ISBN № 978-5-9551-0684-7.

Владимир Ильич Карпов

Институт языкознания РАН, Москва, 125009,
Россия
wi.karpow@gmail.com

Vladimir I. Karpov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
wi.karpow@gmail.com

С середины XIX в. в лексикографии ведутся споры о том, насколько необходимой является книга, которая не только помогает понять услышанное или написанное, но и, предоставив в наше распоряжение всю совокупность слов, объединенных той или иной идеей, облегчила бы активное владение языком. Иными словами, нужно ли проводить специальное описание лексики, которое бы максимально учитывало контекст употребления. Сейчас стало очевидным, что реализация слова в речи невозможна без знания лексических парадигм, в которые оно входит, и характера его сочетаемости с другими словами, поэтому остро ощущается потребность в таком типе справочных изданий, которые включали бы в себя полную информацию о парадигматических группировках слов и об их сочетаемостных свойствах.

Поскольку современные двуязычные словари содержательно опираются на словари активного типа, то неизбежно встает вопрос, на какие данные о прагматических, стилистических и синтаксических свойствах лексических единиц, релевантных для их семантики и, соответственно, для их активного употребления в языке, должны ориентироваться составители переводных словарей, т. е. возникает проблема отбора той части информации, которая может быть отражена в таком издании. В монографии Д. О. Добровольского «Беседы о немецком слове» подробно обсуждаются эти и другие аспекты лексикографической работы, приводятся яркие и запоминающиеся примеры из собственного опыта автора как фразеолога и редактора-составителя современных немецко-русских справочных изданий.

Идея написания книги выросла из наблюдений над сложностью отношений между обозначаемым и обозначающим в двух языках — русском и немецком. Каждая глава представляет собой сборник эссе, объединенных одной задачей — продемонстрировать читателям, чем тот или иной фрагмент лексической системы немецкого языка отличается от аналогичного фрагмента русской лексической системы (с. 10—11). Такое сопоставление имеет и практический смысл для переводной (двуязычной) лексикографии, поскольку подводит специалистов к выработке общих параметров, по которым единицы лексикона различных пар языков могут быть осмысленно противопоставлены и проанализированы в целях выявления «подлинных функциональных эквивалентов, то есть лексических единиц, которые, с одной стороны, могут использоваться в аналогичных ситуациях без информационных потерь, а с другой — ощущаются как словарные корреляты» (с. 668—669).

Книга предваряется кратким экскурсом в историю немецкого языкознания и авторскими пояснениями в отношении отдельных методологических установок и выбора терминологии. В четырех беседах, вошедших в первую главу, Д. О. Добровольский излагает те «положения и теоретические концепты, возникшие в недрах неогумбольдтианского языкознания», которые оказали «существенное влияние на исследование и описание лексической семантики» и «используются в современной лексикологии практически всех направлений» (с. 13). Речь идет прежде всего о теории семантического поля и принципах выявления семантических признаков. Последовательно раскрывая комплекс отношений, складывающихся как в рамках отдельных семантических полей, так и между несколькими полями, объединенными в семантическую сеть, автор подводит читателя к трактовке понятия «семантическое поле» применительно к лексикографической практике. Критике подвергается бытующая в традиционной лексикологии, ориентирующейся на классический компонентный анализ,

методика описания значений с помощью семантической декомпозиции, которая стремится разложить значение слова на дискретную сумму признаков, но не способна этого достичь в силу недискретности семантического поля (с. 28—29). Автор предлагает — в духе Московской семантической школы — дополнить понятие семантического признака данными о его удельном весе, степени выделенности, способности менять поведение в зависимости от контекста (с. 31). В таком виде понятие семантического признака используется в работе Д. О. Добровольского применительно к лексическим единицам (часть первая) и некоторым типам неоднословных конструкций (часть вторая).

Первая часть книги «Слово как единица лексической системы» состоит из трех глав, в которых раскрывается специфика представления слова в двуязычных словарях и параллельных корпусах и обсуждаются некоторые практические вопросы перевода, связанные с несовпадением слов двух языков по объему значения и вытекающими из этого различиями в сочетаемости. Во второй части «Лексические структуры больше слова» рассматриваются различные сложносоставные конструкции немецкого языка, характеризующиеся относительной устойчивостью и высокой степенью лексикализованности. Помимо собственно фразеологических единиц в поле зрения попадают грамматические конструкции, у которых в ограниченных пределах проявляется квазифразеологический тип поведения (сочетания с глаголами движения и конструкции с обстоятельством-временным значением).

Сквозной темой в главах является диффузность значения слова и возникающая в связи с этим проблема его словарной презентации, поэтому беседы ведутся о представлении многозначности и синонимии в словарях, выявлении межязыковых корреляций между лексическими единицами с помощью параллельных корпусов, нестандартном словоупотреблении и использовании культурно-специфической лексики в переводе.

Описание полисемии, как замечает автор, было и остается задачей словаря. Никакая система правил не позволит вывести существующие значения слова без обращения к реальным фактам языка (с. 70). Это одна из сложных задач лексической семантики, поскольку план выражения и план содержания находятся в асимметричных, а не взаимно-однозначных отношениях: одно означающее может выражать несколько означаемых, и наоборот (с. 60). Отсюда проистекает методологическая трудность в работе с полисемантами, которая связана с определением границ категории многозначности. Традиционно поиск решений осуществляется в двух направлениях: формулирование критериев для разграничения полисемии и омонимии, с одной стороны, и полисемии и моносемии — с другой. При отнесении пары слов к области омонимии или полисемии в лексикографии руководствуются традицией, основанной на синхронном толковании значения. В то же время «традиционность» не исключает известную субъективность при словарном описании, это проявляется в том, что одни и те же лексемы в разных словарях толкуются по-разному. Для адекватного и экономного описания лексики лексикографы стремятся использовать критерий общих семантических признаков, но вынуждены принимать во внимание семантическую структуру слова в целом. В реальности приходится иметь дело не с четко очерченными явлениями, «а с постепенными переходами, то есть с некоторой градуированной шкалой, на одном конце которой находятся “классические” омонимы, а на другом — тесно связанные между собой значения», удельный вес общих признаков которых больше, чем семантические различия (с. 63).

Говоря о критериях разграничения полисемии и моносемии, автор особо подчеркивает, что в речи «мы имеем дело с бесконечным множеством разных употреблений единиц, а не с готовыми списками семем» (с. 64). Иными словами, у лексем можно выделить столько актуальных (ситуативно обусловленных) значений, сколько контекстов их употребления обнаружится. Перед лексикографом в этом случае стоит крайне сложная задача — свести речевые значения в языковые, руководствуясь принципом экономии лингвистического описания. Данный принцип требует установления полисемии там, где это допустимо для описания лингвистически значимых свойств лексических единиц. Словарная статья является искусственным конструктом со строгими границами, поэтому выбор принципа описания зависит от установки лексикографа. В двуязычной лексикографии разбивка словарной

статьи для единиц с широкой семантикой осуществляется с опорой на концептуальные критерии полисемии и не в последнюю очередь на синтагматические. Под первыми понимаются знания носителей языка о сходствах и различиях понятий, использование вторых основано на предположении, что одно и то же слово в разных значениях по-разному сочетается с другими единицами языка. Применительно к глаголам это означает, что при их описании (для нужд переводных словарей) учитываются не только и не столько понятия, которые они выражают, сколько все типы конструкций, в которых они участвуют. Набор значений и их связи в двуязычном словаре должны существенно отличаться от структуры многозначности того же слова в одноязычном справочнике. Д. О. Добровольский выступает в поддержку принятия «гибкой концепции полисемии», которая позволяет варьировать описание макросемантической структуры многозначного слова в зависимости от конкретных задач и метаязыковых инструментов.

Полисемия, отраженная в словаре, оказывается «артефактом лингвистического описания» (с. 71). Недостатком словарей (в том числе двуязычных) является их функциональная ограниченность, что делает их лишь условно пригодными для нужд перевода. Например, когда у отдельных единиц в специфических употреблениях нет однозначных стандартных аналогов в другом языке, возникает ощущение, что подобные смыслы не поддаются переводу. При обращении к словарной статье переводчик в этом только убеждается. В таких случаях помочь в выявлении иноязычных соответствий определенному слову родного языка, обладающему нетривиальными семантическими и дискурсивными особенностями, может только работа с параллельными корпусами. Корпусные данные показывают, что нормы сочетаемости слов подвержены постепенным изменениям, которые со временем приводят к сдвигам в семантике и прагматической характеристике, а в отдельных случаях — к модификации семантической структуры слова вплоть до появления новых и утраты старых значений. Данные процессы в двух сопоставляемых языках могут в некоторых случаях идти параллельно, но с разной интенсивностью, а могут и протекать разнонаправленно. Такие изменения часто не фиксируются в двуязычных словарях вообще или же отражаются с существенным запозданием, так что на момент выхода справочного издания многие факты, занесенные в него, не присутствуют в узусе обоих языков. Даже очень близкие по комплексу признаков (общность семантики, стиля, этимологии, дискурсивных черт) слова в языках, как правило, не являются эквивалентами, взаимозаменяемыми во всех реальных контекстах.

Причиной семантического развития лексической единицы не в последнюю очередь оказывается изменение ее сочетаемости. Словарные издания и существующие грамматики недооценивают комбинаторный потенциал слов. Нетривиальные с семантической точки зрения сочетания занимают в узусе, как правило, периферийное положение и никогда не включаются в словарные описания. Однако в результате непрогнозируемых предпочтений носителей языка частотность использования таких словосочетаний может резко увеличиться, и из разряда периферийных они перемещаются ближе к ядру. Сопровождающая такое перемещение радикальная перестройка комбинаторного потенциала часто приводит к семантическим сдвигам, изменениям лексического значения слова. Поскольку подобрать в таких случаях стандартный эквивалент для перевода затруднительно, приемлемым решением представляется работа с параллельным корпусом, который как инструмент сопоставительного изучения языков и двуязычной лексикографической практики доказал свою эффективность и надежность.

Обращение к корпусным данным может быть полезным, когда в круг рассмотрения включаются нерегулярные явления языка, обычно считающиеся маргинальными. Благодаря работе с корпусами выяснилось, что многие из подобных явлений отличаются крайне высокой употребительностью; это касается всей фразеологии, большого количества словосочетаний, относимых к области «малого синтаксиса» и т. д.

В главах, посвященных идиоматическим конструкциям, Д. О. Добровольский обращается к когнитивным и культурологическим аспектам теории фразеологии. В фокус рассмотрения попадают такие основополагающие проблемы фразеологии, как типология фразеологизмов,

особенности семантики фразеологизмов и понятие модели значения, связь актуального значения фразеологизма с внутренней формой, способы экспликации внутренней формы в модели значения идиомы, дискурсивное и синтаксическое поведение фразеологизмов. Отдельное внимание уделяется контрастивной фразеологии и вопросам переводимости немецких и русских идиом, способам представления фразеологизмов в двуязычных словарях.

Центральная тема бесед в этих главах — проблема мотивированности идиом. С точки зрения когнитивной лингвистики в большом количестве идиом, характеризующих одно и то же понятие, это понятие осмысливается и выражается по-разному, поскольку каждая идиома обладает внутренней формой, под которой понимаются определенные знания, мотивирующие актуальное значение идиомы и связанные с буквальным прочтением идиомы или ее этимологией. Речь идет не об индивидуальных образных ассоциациях носителей языка, а о многокомпонентных структурах знаний, закрепленных за идиомой в языковой интуиции социума и влияющих на ее употребление в речи всеми членами языкового сообщества. Знания, мотивирующие значение идиомы, накладывают сочетаемостные и ситуативные ограничения на ее употребление и выявляются посредством анализа соответствующих контекстов. Внутренняя форма (образная основа идиомы) проявляется также в случаях языковой игры, под которой понимается намеренное отклонение от стандартного употребления идиомы, т. е. трансформация формы и/или значения идиомы, приводящая к определенному семантическому эффекту.

В традиционном понимании устойчивость плана выражения идиомы состоит в том, что она фиксируется в словаре, а не порождается каждый раз по правилам грамматики. При этом в устойчивости выделяются два взаимосвязанных аспекта — структурный и узуальный: структурный аспект характеризует выражение с точки зрения его внутреннего устройства (ограничения на трансформируемость, дефектность парадигмы), а узуальный аспект состоит в восприятии выражения языковым социумом как часто повторяемого в речи. Автор подвергает сомнению устоявшееся в традиционной теории фразеологии мнение о полном отсутствии связей между значением идиомы и значениями ее компонентов и, как следствие, ее семантической нечленности. На конкретных примерах, демонстрирующих синтаксическую подвижность и семантическую членность идиом, показывается неполноценность такого подхода. Так, в частности, специфическое синтаксическое поведение идиом (разложение комплекса на слова-компоненты и их разнесение по различным синтагмам; языковая игра, построенная на разложении идиом на компоненты с самостоятельными значениями, добавлении дополнительных компонентов) далеко не всегда определяется только узусом, за этим подчас могут скрываться семантические причины. В принципе, речь идет не о семантической разложимости идиомы, а о ее операционном потенциале в коммуникативном акте, связанном с подвижностью смысловой структуры метафоры, лежащей в основе идиомы. Происходит переосмысление одного из компонентов идиомы, которое носит «стихийный» характер, но понятно и прозрачно для носителей языка, поскольку выводимо из знания о соотношении актуального значения фразеологизма и его образной составляющей, т. е. строится по строгим, узуально регламентированным и приемлемым в конкретном социуме правилам семантической переинтерпретации.

Специфика семантического развития внешне сходных идиом в разных языках — один из факторов, объясняющих отсутствие полной межъязыковой эквивалентности между ними. План содержания идиом в разных языках оказывается настолько многослойным, насыщенным этнокультурной информацией, что исключает возможность их полноценного эквивалентного перевода во всех возможных контекстах.

Немало сложностей представляют фразеологизмы и для составителей словарей. Способ представления идиом зависит от специфики словарей, их прагматической направленности, ориентированности на синхронное состояние языка или диахронию. Автор предлагает рассматривать вопросы описания идиом также в тесной связи с корпусной лексикографией и сформулировать принципы создания нового немецко-русского фразеологического словаря, в основе которого лежат данные корпусов текстов. Преимущества такого подхода состоят

«не только в более подробной и продуманной экзemplификации описываемых выражений, но и в дополнительных возможностях, которые предоставляет корпусный материал для формирования словника» (с. 575): он позволяет определить частотность идиом, степень идиоматичности и устойчивости фиксируемых выражений, вариативность их лексического состава, уточнить семантическую структуру идиомы, привести форму леммы в соответствие с современным узусом и т. д.

Монография Д. О. Добровольского «Беседы о немецком слове» — это серьезный научный труд и в то же время интересная и занимательная книга, сочетающая в себе глубину исследования и простоту изложения. Главы, написанные по-русски, чередуются с главами на немецком языке, что делает книгу интересной и для студентов-германистов, и для специалистов в области общей и сопоставительной лексикологии. Ценность «Бесед» заключается также и в том, что автору удалось на материале разных, не связанных между собой фрагментов лексической системы построить оригинальную модель представления знаний о слове и его окружении.